

Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия)

Е.М. Арутюнова

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского

социологического центра Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

981504@mail.ru

Резюме. В статье предпринята попытка выявления влияния городской среды на языковое поведение и языковые аспекты идентичности у якутян в настоящее время, а также обобщения экспертных оценок урбанизации как фактора риска для функционирования языка саха. На базе анализа количественных и качественных данных, характеризующих языковую ситуацию и актуальные проблемы в языковой сфере в Республике Саха (Якутия) в 2019 и 2022 гг., сделаны выводы о том, что в силу социально-демографической и исторической специфики региона языковая сфера отличается здесь высоким уровнем сохранности и функциональности языка саха. Эмпирика показывает, что язык остается самым важным идентификатором этничности, у подавляющего большинства саха якутский язык является языком домашнего общения (с дифференциацией городского и сельского населения), сельская среда по нашим данным фактически полностью сахаязычная. Использование якутского языка в домашнем общении и школьном образовании, его поддержка на уровне республики, большая доля сельского населения среди саха – существенные факторы сохранения и развития их языка. В то же время городская, а точнее столичная среда в республике становится пространством развития дискурсов, постулирующих значимость языка как главного символа этничности и акцентирующих ущерб, наносимый якутскому языку процессами урбанизации и универсализации культур.

Ключевые слова: язык, этнические языки, этническая идентичность, Республика Саха (Якутия), языковая ситуация, языковой активизм, урбанизация.

Для цитирования: Арутюнова Е.М. Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия). *Историческая этнология*. 2024. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.458-473>

The city as a factor: linguistic situation and perception of the problems of ethnic languages in the Republic of Sakha (Yakutia)

E.M. Arutyunova

Institute of Sociology,

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

981504@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify the influence of the urban environment on linguistic behavior and linguistic aspects of identity among Yakut people at the present time, as well as risk factors of urbanisation for the functioning of the Sakha language in expert assessments. Based on the analysis of quantitative and qualitative assessments of the language situation and current problems in the language sphere in the Republic of Sakha (Yakutia) in 2019 and 2022, it was concluded that due to the specifics of the socio-demographic, historical situation in the republic, the language sphere here is characterised by a high level of preservation and functionality of the Sakha language. Empirical evidence shows that language remains the most important identifier of ethnicity. For the vast majority of the Sakha, the Yakut language is the language of home communication (with differentiation of urban and rural populations); according to our data, the rural environment is actually completely Sakha-speaking. The use of the language in home communication and school education, support for the Yakut language at the republic-wide level, a large proportion of the rural population among the Sakha are significant factors in the preservation and development of the Sakha language. At the same time, the urban, or rather, the metropolitan environment in the republic is becoming a space for the development of discourses which postulate the importance of language as the main symbol of ethnicity and emphasise the damage inflicted on the Yakut language by the processes of urbanisation and universalisation of cultures.

Keywords: language, ethnic languages, ethnic identity, Republic of Sakha (Yakutia), linguistic situation, linguistic activism, urbanization.

For citation: Arutyunova E.M. (2024) The city as a factor: the linguistic situation and perception of the problems of ethnic languages in the Republic of Sakha (Yakutia). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.458-473> (In Russ.)

В этнической политике и практике России одной из самых дискутируемых тем уже несколько лет подряд остается проблема сохранения, развития и использования этнических языков. Поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», принятые в 2018 г. и утвердившие добровольное изучение государственных языков республик, а также появившуюся возможность выбора русского языка для изучения как родного, существенно формализовали и упорядочили языковую политику в образовании на общегосударственном уровне. При этом вокруг языковой тематики заметно развивалась солидаризация этнических активистов в республиках. Результаты их деятельности

условно можно рассматривать в двух направлениях. С одной стороны, были инициированы многие значимые для сохранения и развития языков проекты, с другой – в дискурсе этнического активизма и этнонационализма стало доминирующим представление о новой редакции закона, как и в целом о стратегии федерального центра в отношении республик, как направленных на русификацию и подавление этнических языков и культур.

Озабоченность снижением функциональности и / или утратой этнических языков – постоянный спутник этноориентированных дискурсов в последнее время. Существенную роль в нашей стране здесь играет давно сложившееся понимание языка в качестве наиболее существенного признака этнической общности, причем воспринимаемого как символ гораздо чаще, чем как реальная составляющая языкового поведения. Достаточно вспомнить распространенную и в образовании, и в научном дискурсе, и в быту трактовку родного языка как языка народа, а не функционального или материнского языка, в результате чего привычными становятся высказывания «не знает родного языка», что с функциональной точки зрения – нонсенс.

Разумеется, такая озабоченность имеет основания – процессы модернизации, урбанизации и, как следствие, универсализации культур в той или иной степени затронули многие этнические общности. Трансформации языкового поведения исторически происходили и естественно, и вынужденно под влиянием политических решений, а в современных условиях, под влиянием массовых миграций, глобальных рынков и цифровых технологий, происходят все быстрее. Урбанизационные процессы в первую очередь оказывают влияние, помимо ценностных ориентаций, именно на языковое поведение (Валеева, 2002), однако это влияние может быть противоречивым. С одной стороны, развитие городской среды может способствовать формированию общенародного литературного языка из конгломерата языков (Валеева, 2002), что и происходило исторически в новой истории и способствовало формированию наций. С другой стороны, в настоящее время на первый план выходят другие процессы – трансформации языкового поведения в мультикультурной среде с доминирующим языком (ситуация большинства российских регионов), и в этой ситуации многие этнические языки в нашей стране постепенно сводятся к функционированию только в быту, а отдельные языки находятся под угрозой исчезновения (Шабыков, Соловьев, 2019). И это происходит одновременно с сохранением значимости языков на символическом уровне как существенных компонентов идентичности. – Показательно, что в уже упомянутом исследовании (Шабыков, Соловьев, 2019) на примере Марий Эл также фиксируются разнонаправленные тенденции: с одной стороны, языковая русификация населения либо билингвизм, а с другой – усиление значимости этнического языка как символа у части этих же русифицированных региональных сообществ. Схожий вывод делается и в исследовании по Дагестану: на фоне ослабления языкового сознания его городского населения – декларативная приверженность родным языкам без реальных изменений языкового поведения (Шахбанова, 2022).

Отметим важный для текущих реалий факт – такие тенденции, в совокупности с амбициями использовать этнические чувства в политических целях, становятся дополнительными факторами роста дискурсов исторического ущерба и сепаратизма.

В статье мы рассмотрим кейс Саха (Якутии) – республики с особой специфической ситуацией и в отношении использования языка саха в повседневной жизни, и в языковой политике в образовании. Результатом периода суверенизации начала 1990-х годов в регионе стал выраженный подъем этнической идентичности саха. Этот период часто называют «национальным возрождением», именно тогда язык саха получил статус государственного и поддержку на уровне республики, однако это не единственный фактор, определяющий его витальность и развитие. Между переписями 1989 г. и 2002 г. происходил отток русского населения (а также украинцев, белорусов, татар), и доля саха в населении республики выросла с одной трети в 1989 г. до половины в 2010 г. Кроме того, значительная часть якутов – сельские жители, а сельская среда преимущественно мононациональна, сохранность и функциональность языка саха в ней не вызывают сомнений. Однако урбанизация как макросоциальный фактор неизбежно ведет к тому, что сельские жители переезжают и преимущественно в столицу – Якутск, где проживает половина населения республики. В результате в структуре населения города доля саха возросла в 2,5 раза в сравнении с 1989 г. (Иванова, 2017: 20). Как совокупный результат всех этих процессов можно рассматривать новые тенденции для языкового пространства Якутска, среди которых:

- расширение функционирования языка саха в языковом пространстве города, как следствие – высокая степень сохранности его как родного языка;

- снижение тенденций ассимиляции среди якутов, возрастание свободного владения якутским языком среди носителей;

- некоторое снижение уровня владения русским языком среди саха с сохранением положительной языковой установки по отношению к нему;

- умеренное возрастание социальных функций якутского языка, умеренное сокращение использования русского языка, замещение моноязычия (русского или якутского) функциональным двуязычием (Иванова, 2017).

Эти тенденции демонстрируют, что до определенной степени влияние урбанизации в Якутии сглаживается специфическими факторами, среди которых – высокая доля горожан в первом поколении (на 2011 г. до 60% горожан были горожанами в первом поколении (Ефимов и др., 2015: 128)), воспитанных в преимущественно моноязычной сельской среде и поддерживающих тесные связи с локацией исхода (общаются с родными, приезжают в отпуск на охоту, рыбную ловлю, отправляют детей на лето к бабушкам и дедушкам). Среди специфических черт, отличающих на данный момент влияние урбанизации в Саха (Якутии) на языковую ситуацию от ситуаций в других республиках, назовем

массовую включенность в сетевое общение в соцсетях и мессенджерах и возможность воспитания и образования на языке саха в сахаязычных детсадовских группах и школьных классах на начальных и иногда средних ступенях образования. Однако процессы урбанизации, наряду со спецификой в конкретных средах, имеют и более универсальное влияние, которое проявится в недалеком будущем: горожане во втором поколении, пусть пока и немногочисленные, уже сейчас имеют более сложную многосоставную идентичность, в меньшей степени включены в родовые отношения, которые транслируют этническую культуру, в большей мере ориентированы на малодетную семью, а также чаще переходят на русский язык в домашнем общении (Ефимов и др., 2015: 133).

Задачей статьи стала попытка выявления влияния городской среды на языковое поведение и языковые аспекты идентичности у якутян в настоящее время, а также обобщение экспертных оценок урбанизации как фактора риска для функционирования языка саха. *Эмпирической базой* для настоящего анализа стало мониторинговое исследование, проведенное совместно Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственным бюджетным учреждением Республики Саха (Якутия) Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)». Для анализа использованы результаты, полученные в 2019 и 2022 гг. в ходе массовых опросов, репрезентативных для республики (n=1500), а также 30 экспертных интервью и четырех фокусированных групповых интервью в городах Якутск и Мирный в 2019 г. и 20 экспертных интервью и двух фокус-групп в Якутске в 2022 г. Исследование проводится ежегодно и направлено на комплексный анализ межэтнических отношений в республике, однако, учитывая актуальность языковой тематики, постоянное обращение к ней экспертов, опросный лист в 2019 г. содержал специальный блок о языковой ситуации в республике, а гайды экспертных интервью и фокус-групп затрагивают языковую проблематику ежегодно.

Языковая ситуация: что по статистике

Данные исследования в 2019 г. показывают, что язык остается ключевым показателем этничности – 84% якутов и 63% русских в республике отвечают, что язык объединяет их с людьми своей национальности, и все остальные идентификаторы оказываются менее значимыми. Поддержку языка и сохранение культуры саха считают самым важным для себя самих как этнической группы (по 58%), причем это оценивается даже важнее, чем экономическое, социальное развитие, а также укрепление самостоятельности республики.

В регионе выражена дифференциация использования языков в домашней сфере, а также в какой-то мере в рабочей и образовательной сферах жизни в зависимости от национальности. Помимо прочего, это говорит о высокой степени сохранности и функциональности якутского языка, а также о высокой ценности его для якутов. В домашнем общении три четверти саха (73%) используют преимущественно якутский язык, еще 18% говорят на якутском и русском языках.

У русских русский язык – практически единственный язык домашнего общения (97%), у якутян других национальностей русский язык – также преобладающий язык общения (70%). В смешанных русско-якутских браках язык домашнего общения в большинстве случаев русский. На работе почти половина саха (44%) использует преимущественно якутский язык, каждый третий (31%) – и якутский, и русский языки. В школах более четверти (27%) детей респондентов-якутов обучаются на якутском языке, 18% – на русском языке – и каждый третий (31%) – на обоих языках. Русские якутяне, как правило, обучаются на русском языке, якутяне других национальностей в нашей выборке – преимущественно также на русском языке¹.

Сельские, городские (плюс ПГТ)² и столичные саха отчетливо различаются по мере использования якутского языка, что вполне ожидаемо и хорошо известно. У сельских якутов гораздо чаще распространен якутский как язык домашнего общения (83%), как преимущественный язык рабочего общения (58%, еще 30% сельских якутов используют на работе оба языка) и язык школьного образования. 39% сельских детей-саха обучаются также в большей степени на якутском языке, еще 35% – на обоих (напомним, что это в какой-то мере вопрос восприятия), всего 8% сельских детей-якутов учатся на русском языке по нашим данным. Фактически сельская среда у якутов полностью сахаязычная.

В то же время и в столице, и в других городах и ПГТ саха дома преимущественно говорят по-якутски (59–64%), хотя и заметно меньше, чем в селах. 17% столичных якутов говорят дома больше по-русски, в городах и ПГТ – 13%. Каждый пятый якут (20–21%) использует дома оба языка.

В городах и столице якутский язык заметно меньше используется в рабочей и образовательной средах, но все же очень активно. Якуты в столице на работе чаще всего говорят преимущественно на русском (38%) и на обоих языках (35%), и каждый пятый (21%) говорит больше на якутском языке. У якутов в городах и ПГТ в сравнении со столичными якутами доля использующих на работе преимущественно якутский ощутимо выше – 36%, практически столько же (34%) говорят на русском и еще 25%, то есть каждый четвертый, на обоих языках.

Подавляющая часть якутов (95%) называет язык саха родным языком. Учитывая, что в нашей стране используется толкование родного языка как этнического гораздо чаще, чем как функционального, можно с уверенностью говорить о высокой символической ценности родного языка для якутов, особенно если учесть, что свободное владение им отметили несколько меньшее число якутов –

¹ Этот показатель не может быть основанием для анализа образовательной статистики, поскольку респонденты судят в собственных категориях использования языка («На каком языке обучаются (обучались) ваши дети в школе?»), но не в категориях системы образования; под обучением на обоих языках вполне может подразумеваться и обучение в якутских классах / школах, где практически везде после 4 класса обучение на якутском языке проходит по учебникам на русском языке.

² В эту категорию отнесены все города и ПГТ республики, кроме столицы – Якутска.

85% (повторим, что 85% свободно владеющих языком саха – это очень высокий уровень сохранности языка, что важно в условиях глобализирующегося пространства и языкового сдвига). 18% якутов называют родным русский язык: иначе говоря, у части якутов родных языков два, и это вполне нормальное явление в современном мире. В основном такие люди живут в столице: 38% столичных якутов называют родным языком русский и 90% – якутский, в городах и поселках 18% якутов называют родным русский и 96% – якутский. То есть реальное двуязычие не ослабляет восприятия ценности якутского языка. Якуты в столице свободно владеют языком саха реже (73%), чем в селах и городах (88–89%), и такая доля во многом обеспечивается за счет тех, кто в Якутск приехал, а не родился здесь. Так, из родившихся в Якутске якутов (таковых 29%) свободно говорят на языке саха чуть менее половины – 46%, среди тех столичных жителей, кто приехал из городов и ПГТ, – 70–74%, а среди тех, кто приехал из сел, 89% свободно владеют якутским языком. Совсем не говорят на саха 6% родившихся в столице якутов. Среди якутов очень высок запрос на знание якутского языка – 85% хотели бы, чтобы их дети или внуки в первую очередь владели якутским языком. Такой запрос незначительно выше в городах и селах (по 87%), чем в Якутске (79%).

*Языковая проблематика в городе
в экспертных оценках: «все пропало»?*

Чрезвычайно чувствительная для части регионального сообщества языковая тема, как правило, актуализируется ситуативно, но в целом остается в трендах: в 2018–2019 гг. триггером стали поправки в ФЗ «Об образовании», в 2020–2021 гг. – поправки в Конституцию РФ, а из менее заметных событий – разработка и принятие новых учебных стандартов.

В 2022 г. о языковой проблематике, особенно в образовании, эксперты говорили по-прежнему много и часто. Основной лейтмотив («мы теряем язык») стабильно транслируется якутской интеллигенцией и языковыми активистами, владение языком тесно увязывается с этничностью в целом, этнический язык рассматривается как ее главный атрибут.

Мы теряем язык свой, культуру. Для детей вот городского поселения, например. Ну, ладно все в селах понятно. От городского поселения там, ну, даже сейчас в селах дети вот смотрят ютуб, например, да. Вот просто, ну, русские контенты, английские, и на якутском они не говорят, многие якуты (ПМА, 2022, 1: 1).

Есть такое, язык якутский умирает, да, можно сказать, здесь в Якутске, в школах. Даже в якутских школах дети разговаривают на русском – им так удобнее, им так проще высказываться, грубо говоря, даже материться, им так проще, у них такой круг общения, у них такое окружение русскоязычное. Ну, учатся и учатся, им как-то вот... они этого не понимают же, что язык умирает, и когда ценности какие-то надо сохранять. Но это, наверное, какое-то другое... другой способ,

метод должен быть, да, для того чтобы сохранить тот же язык или культуру. Я не думаю то, что заставлять там якутский язык, якутские классы там открывать, закрывать. Я не думаю, что это очень важно или как-то повлияет на то, чтобы якутский язык не умирал (ПМА, 2022, 1: 2).

Дети говорят в основном только на русском языке, и пропадает родной язык, мне кажется. И в образовательных организациях, честно сказать, по школе там из семи классов один класс только может быть с изучением родного языка. И туда попасть вообще нереально. В садиках некоторых вообще нет групп, ну, с якутским языком (ПМА, 2022, 2: 1).

В среде молодых специалистов, не вовлеченных в активистские круги, оценка процессов исторической трансформации языка и в целом позиция по языку гораздо более прагматичная, менее эмоциональная, принимающая перемены, ориентированная на развитие и в то же время не дистанцирующаяся от этничности, осознающая возможности языкового развития в существующем законодательном пространстве России:

Знаете, глубинный язык умирает, да, однозначно. На его месте появляется суржик. Суржик сейчас есть, да. Если бы унифицировали язык гораздо более и нашли бы общий язык между собой и унифицировали, и не было бы сферы влияния, когда отдельный старичок, там, продвигает одно, а второй третье и т.д. А тут молодые не воспринимают, нет. Просто нужна унификация и стандартизация, не более. А затем уже литературный язык, там надо уже пробовать. А вот эта вот работа не проводится. Проводится работа по сохранению языка, но дело в том, что язык должен развиваться. Да, мы говорим на протоязыке, да, мы можем законсервировать протоязык, но все равно мы должны вносить новые слова. Вместо этого мы тратим на... абсолютно не на то мы тратим силы, как мне кажется. (Своих детей я – прим. авт.), однозначно, читать бы научил изначально на русском, потому что больше информации. На якутском надо уметь читать, надо уметь писать, не более. Как консервация и обозначение того, что это часть моей идентичности, часть моей культуры. Благо, например, мы знаем, как поступили с индейцами англосаксы, какое там было уничтожение их. И как нас здесь – это небо и земля (ПМА, 2022, 1: 3).

Как говорят языковые активисты, необходимо учитывать *потребность якутов в репрезентации языка саха в городском общественном пространстве*. Вероятно, осознание такой необходимости существует скорее в узких кругах интеллигенции и активистов, которые акцентируются на тех сферах, где есть проблемы, обывателю же такие вопросы закрепления символического владения пространством не всегда интересны:

Не случайно я отметил в самом начале нашего разговора, что у нас низкий уровень образования. Люди, симпатизирующие «Ус Тум-

суу», радикально национально настроенные, они испытывают дискриминацию, когда не во всех образовательных учреждениях преподавание ведется на родном языке, когда недостаточно литературы, методических изданий, когда не хватает элементарно учителей. Это воспринимается как немощность, неспособность местных властей решить эту проблему (ПМА, 2022, 1: 4).

Мнения экспертов существенно различаются в отношении того, требует ли такой, характерный для части якутского сообщества, запрос на репрезентацию якутского языка (а следовательно, и на поддержание этнической идентичности саха) вовлечения не-якутов, среди которых большинство – русские. Чаще всего языковые и этнические активисты полагают, что это необходимо, и увязывают такую необходимость с несколькими обстоятельствами – среди которых символическая историческая принадлежность территории республики якутам, требование уважения к «титульному», коренному народу – и с вполне прагматическими мотивами улучшения климата межэтнических отношений:

Республиканское правительство должно обязательно учитывать мнения этой части народа, которая хочет, и которая ревниво следит за тем, что делает республиканское правительство. Мне кажется, что, в принципе, сам Ил Дархан Айсен Николаев достаточно часто обращается к вопросам языковым, другое дело, что другие руководители, может быть, его несильно поддерживают в этом. Может быть, руководству республики следует обратить внимание на русскоязычную часть населения, чтобы разъяснить ему важность репрезентации якутского языка в общественной жизни, чтобы оно это воспринимало не просто как что-то его не касающееся, но как важную часть собственной жизни, составляющую собственного благополучия, условие для успешного развития современного общества. В конце концов счастливый и довольный сосед гораздо лучше и полезнее недовольного (ПМА, 2022, 1: 5).

Ну в том-то и дело, люди делятся, когда они не понимают других людей. То есть русские – они с русскими общаются, потому что они не говорят на якутском. И якуты, они общаются с друг другом, потому что они не понимают русский. Но когда они понимают – и те, и те – и русский, и якутский, они спокойно находятся и социализируются. То есть, если мы будем, как бы, наоборот, нужно вводить якутский язык, чтобы те русские, которые приехали, они ознакамливались (разг. – прим. авт.) с местным языком, и они понимали его, тогда им легче будет с местными разговаривать, и также местные, опять, должны учить русский язык. И тогда им спокойнее тоже будет (ПМА, 2022, 1: 6).

Отметим, что по данным опроса в 2022 г. обязательность изучения якутского языка для всех школьников независимо от национальности поддерживает немалая доля саха – 38%.

Объяснение причин «умирания» языка и вариантов, что с этим делать, как правило, сводится к нескольким, среди которых проблема преемственности образования на языке и языковой среды, проблема чрезмерной унификации государством образовательных стандартов, проблема недостаточно эффективных методик обучения языку и на языке, а также общий кризис и снижение уровня образования в стране в целом.

В ситуации нарушения преемственности образования корень проблемы эксперты видят прежде всего в отсутствии / недостатке дошкольных учреждений с якутским языком воспитания:

Ну я считаю, что это важная тема, и она должна быть всегда в центре внимания. Я считаю, это совершенно неправильно, когда получение школьного образования на родном языке становится привилегией не для всех, а для узкого круга людей. Дело же не только в школьном образовании. Единичные классы в школе, они не решают эту проблему. Должна быть языковая среда. Вообще создание среды, оно же идет, если мы говорим про образование и воспитание, оно идет с раннего возраста. У нас не хватает групп в детских садах, которые вели бы воспитательную работу на якутском. Потому что доказано, если ребенок очутился полностью в русскоязычной среде в младшем возрасте, и он переключается сразу на русскую среду и становится абсолютно русскоязычным, то в школе ему стать носителем якутского языка уже практически невозможно. Это уже доказано исследованиями (ПМА, 2022, 1: 7).

Дошкольные учреждения, по мнению некоторых экспертов, могли бы стать площадкой для обязательного изучения якутского языка и создания с помощью такого метода основ двуязычия не только у детей саха, но и у русских детей и детей других национальностей:

Когда ребенок маленький, мы можем ему это давать хотя бы для расширения кругозора, хотя бы чтобы он понимал... Мы же можем и природу родного края, мы можем много предметов преподавать малышу о родном языке, о родном крае. Нам же не надо, чтоб он прямо в совершенстве владел, если это не его родная национальность. Но он будет много знать, это полезно (ПМА, 2022, 1: 8).

Хочется, чтобы много больше было прикладного чего-то, творческого, созданного на родном языке. И обязательно, чтобы этот язык изучался независимо от национальности детей с начальных... (этапов – прим. авт.) Мы же сейчас начали принимать детей с полутора... с 20-го года это у нас пошло, веяние такое, прямо массовое. Раньше единичные сады принимали с полутора лет малышей, а сейчас, со вступлением нас в проект «Демография» вообще на территории России, мы принимаем малышей. Это как раз тот самый возраст, когда мы бы могли давать и якутский язык, и русский. Я считаю, что это очень правильно. Многие выросшие местные жители, как лично я, к сожа-

лению, не знают якутский язык, и я чувствую иногда некоторое прямо неудобство (ПМА, 2022, 1: 8).

Ситуация с восполнением школьных мест в городе Якутске, оценки экспертов из сферы образования и управления образованием скорее свидетельствуют о том, что запросы населения на обучение на языке саха удовлетворены – по меньшей мере, если речь идет о начальной школе. Выраженная реакция ущемления в языковом плане по сути является эмоциональной реакцией, мотивированной опасениями утраты этнической идентичности:

Да, это точно, может, и есть такие родители, которые хотят (учить детей на якутском – прим. авт.), и они говорят – «мы ищем классы». Но кто против? Все написано, территория закреплена, ты спокойно можешь найти класс с якутским языком, это какие-то остатки того, может быть... остатки общего настроения, что все равно где-то меня обижают, оно у национальностей, которые небольшие, как мы, оно всегда будет (ПМА, 2022, 1: 9).

Стать манкуртами, совсем забыть свои корни абсолютно, свою культуру – это очень страшно. Никто не хочет. Мы все равно хотим знать свой язык, хотим, чтобы наши дети знали наш язык, хотим, чтобы эта культура все равно сохранялась. Это не означает, что мы там как-то хотим отделиться. Ни в коем разе. И это не означает, что мы как-то хуже относимся к представителям других национальностей, нет. Просто мы не хотим потеряться, мы не хотим. Мы же все равно не сможем стать совсем абсолютно русскими, скажем так. Мы все равно будем тогда ни рыба ни мясо, понимаете (ПМА, 2022, 1: 10).

Чрезмерная унификация системы образования государством также является проблемой. Имеющиеся в правовом поле возможности для реализации языковых прав внутренне противоречивы, а обстоятельства, в том числе связанные с положением дел на рынке труда и прагматическими мотивами родителей, часто оказываются более значимыми:

Естественно, школа заинтересована в том, чтобы дети сдавали экзамен на высокие баллы, и потому администрация вынуждает переходить учителей начального класса на русский язык обучения. Соответственно, в последние 5–6 лет наблюдаем очень сильный переход классов на русский язык уже с первого класса (ПМА, 2022, 1: 5).

Если раньше была очень потребность со стороны родителей, сейчас пошел откат в другую сторону. Видите, уменьшается количество детей, которые сдают родной язык; потому что они поступают в свой вуз, и думали, что будут учителями якутского языка, а они безработные, потому что поменялся госстандарт, количество часов уменьшилось, соответственно, пошел отток (ПМА, 2022, 1: 9).

Звонят родители и говорят – после начальной школы пять классов с якутским языком обучения открывают с 5 класса и только один с русским, а мы хотим с русским. – То есть родители уже понимают, они

говорят – мы хотим с русским языком, а администрация нам говорит – нет (ПМА, 2022, 1: 9).

Да, но сейчас уже мы видим, что все школы переходят на русский язык в начальной школе, хотя это не запрещено (обучение на этнических языках – прим. авт.), но просто потому, что ВПР на русском языке, директор требует от учителя, чтобы он начал на русском языке обучать (ПМА, 2022, 1: 9).

В обсуждении того, как решать сложившиеся проблемы, что делать, *отчетливо выделяются две основные позиции – «все зависит от нас» и «ничего не зависит от нас, все это внешнее давление и обстоятельства»*. Безусловно, у каждого найдутся примеры и поддержания знания языка в семье, и потери языка. Такое отношение, как правило, зависит от личностной активистской позиции, но значимы и макротенденции:

У меня брат, например, родной живет близ Москвы, у них дети по-якутски говорят свободно. По-русски свободно и по-якутски свободно. Книжки там, ютуб якутский смотрят. Какой-то там у них, курсы... в неделю один раз ходят там, собираются якутоязычные дети в постпредстве. Там какие-то у них игры идут. Показывают там всякое, про культуру рассказывают. Если в Москве есть условия, то тут-то! У тебя и садики есть, и школы есть, и все вот эти, куда ты ходишь. На олонхосути сходи, на того сходи, все есть – а дети не говорят. То есть это проблемы, на самом деле, не государства, это проблемы родителей. Но надо же кого-то обвинить! Да! Надо обвинить государство, что имперские, вот эти амбиции, что это все. Это специально все делается (ПМА, 2022, 1: 11).

Есть якутский юридический язык, он очень сложный. Но если мы не будем поддерживать его, то мы его потеряем. А у нас сейчас идет, наоборот, насилие... применение русского языка в законодательстве. То есть, если раньше можно было выбрать язык и вести судебное производство либо на якутском, либо на русском или составить материал проверки преступления на якутском, либо на русском, то сейчас идет насильное русскоязычество. То есть, все государственные органы ведут все на русском. Это тоже немножечко... Мы все равно национальная республика, если половина народа говорит на якутском, то должна быть возможность защищать свои права на своем родном языке (ПМА, 2022, 1: 6).

Языковая тема обсуждается не только в контексте школьного образования, но и, учитывая непрерывность и открытость образования в современном постиндустриальном мире, она рассматривается и в ракурсе доступности изучения языка для взрослых. Поддержание преемственности языковой среды осложняется зачастую тем, что родители, даже будучи мотивированными приобщить детей к якутскому языку, сами не владеют им на недостаточном уровне

либо не владеют навыками, в итоге поддерживать языковую среду дома не могут:

Мне кажется, что нужно ввести какие-то курсы уже для более такого осознанного населения. В плане вот молодых родителей, которые не знают, как обучить своего ребенка родному языку. Вот лично я, да, я хочу, чтобы мой ребенок владел несколькими языками: родной, русский и там иностранный любой. Но я не знаю, как своего ребенка обучить якутскому языку, и знаю то, что мой партнер тоже. Мы якутский язык знаем, но не знаем, как правильно всему этому обучить. Мы там базовый... базовыми словами там не воспитать полноценного якута. Поэтому для того, чтобы, ну, начать, я бы хотела, чтоб..., ну, школа понятно, они уже есть, но они нас не примут (ПМА, 2022, 2: 2).

Я думаю, нужны курсы какие-нибудь, именно чтобы население, ребята, которые плохо знают якутский, хотя бы знали, как начать заново его восполнять, не знаю, и могли это дальше... (ПМА, 2022, 1: 9).

Сетующие на отсутствие возможностей изучения языка / повышения языковой квалификации часто не располагают информацией о том, какие из них уже есть (языковые курсы при университете, например). Таковую позицию не назовешь пассивной, однако только небольшой круг активистов действует инициативно и на личностном, и на групповом уровне, поскольку для них языковая проблема всегда в фокусе внимания. Люди, не вовлеченные в такие круги, как правило, останавливаются на высказывании сожалений, однако ощущение ущемленности у них вполне может присутствовать. Сама по себе языковая тема вряд ли окажется причиной осложнения межэтнического взаимодействия в республике, но может вызывать недовольство части якутского сообщества, рост ощущения ущемлений по этническому признаку, снижение чувства социального благополучия:

Если бы, например, у нас была возможность строительства по одной национальной школе в округе на 700–800 мест, в Октябрьском там, например, а у нас, по сути, таких школ две или три. А запрос есть. Это все вряд ли будет иметь какие-то последствия, но волну недовольства вызовет (ПМА, 2022, 1: 5).

В прошлом году на федеральном уровне опубликовали проект новых учебных стандартов, и боюсь, что с этого года часы и якутского языка, и литературы будут сокращены, что в корне неправильно... Это сыграет очень негативную роль в том числе в восприятии руководства народом. Конечно, это не является непосредственно прямой причиной. – Вот не открыли якутский класс, и человек взял вилы и пошел кого-то убивать. – Нет, но все равно такие вещи накапливаются, какая-то обида подспудно копится, и когда-нибудь она, не в массовом, может быть, проявлении, хотя это тоже не исключено, но все равно, когда-нибудь эта пружина разжимается. Если человек себя ощущает менее счастливым, да, это ощущение в его жизни обязательно играет нега-

тивную роль. Может быть это произойдет в отношении других людей, в отношении себя, какие-то суицидальные вещи, или, может, это будет неосознаваемое какое-то подавление, которое закроет перед ним какие-то двери в будущем, а это и для него плохо, и для общества (ПМА, 2022, 1: 6).

Хотя языковая проблематика, как правило, обсуждается в ключе необходимости сохранения языка саха и ущерба ему от складывающейся ситуации, эксперты по-прежнему говорят и о другой проблеме – *проблеме недостаточного знания русского языка* зачастую людьми из сел, о которой говорят специалисты с прикладной точки зрения:

В районах все говорят только по-якутски, все на уроках говорят по-якутски. Ну и что, что учебники на русском языке, они все равно говорят по-якутски. ... Дети, которые к нам приезжают с районов, у них проблемы и с русским языком, и иностранные им тяжело. По русскому языку те учителя, которые есть, они однозначно все говорят, что во многом качество снижается, потому что человек не понимает. Вот если то же самое по английскому тест, математику или физику, ты не понимаешь суть задания, все равно процент понимания у наших детей – он меньше, а экзамены одинаковые для всех, они не учитывают уровень владения русским языком в национальных республиках (ПМА, 2022, 1: 10).

Говорят (по-русски – прим. авт.), но не все. К сожалению, до сих пор есть. Недавно тоже приезжал один мой знакомый. Вообще... я вот себя считаю, не очень хорошо говорю, да, по-русски, а они – вообще тушите свет. Им (таким людям – прим. авт.) не очень легко, какой-то комплекс зарождается в этом, и они уже начинают ненавидеть вот это вот, русский язык, не знаю, может русских, из-за этого, возможно, у них вот это национализм какой-то возникает. У людей, которые не очень хорошо говорят на русском (ПМА, 2022, 1: 2).

Я как работодатель могу сказать, что в 15-ом году у нас форум был выпускников федеральных вузов, и тех ребят, кто уехал отсюда. И они, наоборот, говорят, что эта тема – преподавание предметов профильных на якутском языке – приводит к тому, что ребята сбиваются в группы своих соратников и своих соплеменников, якутских ребят, в других городах вместо того, чтобы коммуницировать, заводить связи с другими ребятами, кто говорит на русском языке. И потом это республику развивает, потому что коммуникация помогает, связи растущие, а не только прям учеба как таковая. Они эту проблему описывали, не знаю, насколько старшее поколение поняло это (ПМА, 2022, 1: 12).

* * *

Итак, проанализированные данные показывают, что реальная языковая ситуация в Саха (Якутии) далеко не столь плачевна, как это может представляться в этноактивистских дискурсах. Использование языка в домашнем общении и школьном образовании, поддержка якутского языка на уровне республики, большая доля сельского населения среди саха – существенные факторы сохранения и развития языка. В значительной мере его сохранность и значимость в этнической идентичности поддерживаются инерцией влияния периода суверенизации, однако для самого молодого поколения эти ценности и символы уже не имеют прежнего значения, как это было в 1990-е годы, они неизбежно трансформируются. Отметим существенные моменты: языковое поведение в городской среде, несмотря на указанные факторы сохранности языка саха, постепенно меняется, что подтверждается данными исследований. В то же время именно в городской среде развивается новый феномен – языковой активизм, построенный на высокой символической значимости языка в этнической идентичности, культивирующий эту значимость в своих дискурсах и зачастую связывающий проблематику языка с более широкими темами исторических событий и социальных неравенств. Учитывая легкость и скорость распространения информации в текущем технологическом контексте, сензитивность темы этнических чувств и внешнее давление в этой сфере, важно на управленческом, образовательном, медийном уровнях поддерживать ценности общероссийской гражданской идентичности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2022, 1 – Полевые материалы автора. Экспертные интервью в г. Якутске, 2022 г. (1 – муж., эксперт из медиасферы; 2 – муж., бизнесмен; 3 – муж, IT-специалист; 4 – муж., журналист; 5 – муж., языковой активист; 6 – муж., юрист; 7 – жен., культуролог; 8 – жен., работник дошкольной организации; 9 – жен., директор школы; 10 – жен., художница; 11 – муж., общественник; 12 – муж., бизнесмен).

ПМА, 2022, 2 – Полевые материалы автора. Фокус-группы в г. Якутске, 2022 г. (1 – жен., участница ФГ–1; 2 – жен., участница ФГ–1).

ЛИТЕРАТУРА

Валеева А.Ф. Влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтнического региона // Социологические исследования. 2002. № 8. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-08/Valeyeva.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).

Ефимов В.С., Лантева А.В., Михайлова Е.И. Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа саха: социологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Том 43. № 4. С. 127–134.

Иванова Н.И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты / отв. ред. П.А. Слепцов. М.: ООО «Языки Народов Мира», 2017.

Шабыков В.И., Соловьев Е.В. Влияние урбанизации на динамику языкового поведения нерусских этносов Республики Марий Эл // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. М.: РУТ (МИИТ), 2019. Вып. № 4 (75). С. 42–51.

Шахбанова М.М. Языковое сознание городского населения Дагестана // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 269–275. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-269-275>

REFERENCES

Efimov V.S., Lapteva A.V., Mikhaylova E.I. (2015) The influence of urbanisation on the processes of preserving the culture and language of the Sakha people: a sociological analysis. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 43. No. 4: 127–134. (In Russ.)

Ivanova N.I. (2017) *Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: figures and facts*. P.A. Sleptsov (ed.). Moscow: Languages of the Peoples of the World Publ. (In Russ.)

Shakhbanova M.M. (2022) Linguistic consciousness of the urban population of Dagestan. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. No. 1: 269–275. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-269-275> (In Russ.)

Shabykov V.I., Solovyov E.V. (2019) The influence of urbanisation on the dynamics of linguistic behavior of Russian ethnic groups of the Republic of Mari El. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura: nauchnyy i sotsiokul'turnyy zhurnal* [Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: a scientific and sociocultural journal]. Issue No. 4 (75): 42–51. (In Russ.)

Valeeva A.F. (2002) The influence of urbanisation on the linguistic behavior of residents of a multiethnic region. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 8. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-08/Valeyeva.pdf> (accessed: 16.03.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе: Арутюнова Екатерина Михайловна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>; e-mail: 981504@mail.ru

About the author: Ekaterina M. Arutyunova, Cand. Sc. (Sociology), Leading Research Fellow at the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskiy St., 117218, Moscow, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>; e-mail: 981504@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 18.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 21.03.2024

Принята к публикации / Accepted 15.05.2024